УДК 353.2(571.5)(091)

ББК Х2(2Р5)5-523

DOI 10.31554/2222-9175-2021-42-19-27

А. М. Дамешек, И. А. Дамешек

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ.
Ч. 2. У ИСТОКОВ ПОЛИТИКИ ПАТЕРНАЛИЗМА.
ОТ ИМПЕРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА К ПОЛИТИКЕ
УНИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Дается анализ административной политики в отношении народов Сибири в эпоху империи. Подчеркивается эволюция политического курса самодержавия от политики патернализма к имперскому регионализму и унификации системы управления русским и инородческим населением.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, административная политика, компаративный анализ.

L. M. Dameshek, I. A. Dameshek

THE ETHNIC FACTOR OF THE BORDERLAND POLICY
IN ITS REGIONAL DIMENSION: SIBERIAN VARIANT.
PART II. AT THE ONSET OF PATERNALISM.
FROM IMPERIAL REGIONALISM TO POLICY OF ALIGNMENT

The article analyzes the administrative policy towards the Siberian peoples in imperial times. The evolution in the policy of the autocracy has been emphasized: from the policy of paternalism to imperial regionalism and unification of administration system of the Russian and indigenous population.

Keywords: Russia, empire, Siberia, administrative policy, comparative analysis.

Первые попытки проникновения русских в Сибирь носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. В решении задачи закрепления Сибири за Российским государством московские, а затем и петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не формировали у русского сибиряка психологическое состояние национального одиночества и дискомфорта. Именно

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: levdamshhek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: dameshek@rambler.ru.

поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. Именно эти особенности русской колонизации Сибири определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Стержневой линией правительственного законодательства являлось стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Бездумный мгновенный слом «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы.

Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С. Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. [Сычевский 1875: 32–36] и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г.

В соответствии с инструкцией из ведения родовых властей были изъяты так называемые «криминальные дела». Суд и расправа в «малых делах» – воровстве, драках и т. п. по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Ясак следовало собирать натурой или деньгами. Обязанности по сбору ясачной подати возлагались на родоначальников. Ясачные плательщики закреплялись за определенным родом. «Перебежки» из одного рода в другой запрещались [Там же: 32].

Документом, характеризующим управление и суд народностями Сибири во 2-й половине XVIII в., является инструкция Сената, данная «за высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора [Булычев 1856: 251–264]. Основные положения этого документа соответствуют инструкции Рагузинского. Обе инструкции предписывали с «начальниками верноподданных обходиться приятельски». Правительство стремилось заручиться поддержкой родоплеменной знати, которая являлась проводником политики самодержавия. Инструкции разрешали уплачивать ясак не только пушшиной, но и деньгами [Залкинд 1970: 60]. Оба документа формально ограничивали вмешательство русской администрации во внутривнутриродовые дела народов Сибири, однако впоследствии Сибирский комитет на основании ревизии М. М. Сперанского отмечал, что на практике «все управление инородцами перешло большею частию в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям» [Прутченко 1899: 175].

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Представляет интерес Положение о вы-

боре иноверческих начальников и правах их (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина. По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления». Трескин предписывал «постановить неперменным правилом», чтобы назначение иноверческих родоначальников было наследственным [РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282об.]. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Принцип опоры на местные национальные элиты был традиционным в окраинной политике империи. На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польше, Финляндии, Кавказе, Сибири наблюдается стремление самодержавия опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии ... были сохранены» [Капеллер 2004: 7], на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей ... родовой знати и старшин местных народов...» [Каменский 2004: 2], представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. В регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Таким документом являлась инструкция Сената, данная за «высочайшим подписанием» секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора [Булычев 1856]. Подобная практика является ярким образцом политики патернализма по отношению ко вновь присоединенным к империи кочевым народам. В условиях активного продвижения отрядов русских землепроходцев к великому океану фактор поддержки этой экспансии со стороны коренного населения приобретал особое значение. Именно поэтому зачастую сложно отделить понятие экспансии как насильственного присоединения земель от мирной колонизации и прежде всего от земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Российская колонизация есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния российской цивилизации.

Устав об управлении инородцев 1822 г.

В начале XIX в. во время правления И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли огромных размеров, что явилось одной из весомых причин ревизии Сперанского в 1819 г. Главным итогом ревизии и реформ Сперанского применительно к народам края стал Устав об управлении инородцев – один из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических,

этнических и иных особенностей Азиатской России. Устав свидетельствует об известной гибкости правительственного курса, понимании им особой роли государства и его институтов в организации жизни подвластного населения, дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири. Устав 1822 г. действовал вплоть до начала XX столетия. В соответствии с Уставом 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых» и «бродячих». В основу деления был положен принцип хозяйственного развития. Поразрядная система обуславливала и гражданское состояние аборигенов, «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись правила, «для кочующих постановленные». Конечной целью поразрядной системы был переход «бродячих и кочевых жителей» в категорию оседлых. Это отражало финансовые интересы империи, так как подобный перевод сопровождался возведением аборигенов в более высокий податный оклад государственных крестьян. Законодательство 1822 г. предусматривало обязательное наделение землей «инородцев» всех разрядов, как подданных государства. Органы самоуправления кочевых народов разделились на три ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – степная дума. Должностные лица в состав «инородческого» управления избирались на общем собрании, к участию в котором допускались все члены общины.

Устав сохранял почетные звания кочевников. Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. В случае отсутствия прямого наследника разрешалось избрание ближайшего родственника. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. инородцы, пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака. В целом Устав ослаблял патриархально-феодалные отношения, но не уничтожал их.

Устав предусматривал ряд протекционистских мер по отношению к торговле. Вводился принцип свободной частной торговли с сибирскими инородцами.

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и частные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, автор Устава оговаривал, что «никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано». Приравнивая кочевых инородцев к крестьянскому сословию в гражданских правах, Устав сближал их и в налоговом обложении. Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и утверждалось генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного местным главным управлением. Специальная глава Устава была посвящена взысканию недоимок, но и тут реформатор стремился ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать «не иначе, как на ярмарках и сугланах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как настоятельное убеждение, задержание старосты или его сына, ближайшего родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Реформатор отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства. В то же время принятие христианства расценивалось как положительное явление.

В 1832 г. последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру». Устав предоставлял ясачным право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. В итоге отметим, что разработанный М. М. Сперанским «Устав об управлении инородцев» стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, разработанного для одного из самых обширных регионов империи. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанного на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России.

Закон о крестьянских и инородческих начальниках 1898 г. Волостная реформа

Дальнейшее развитие программы правительства по вопросам организации управления народами Сибири находилось в неразрывной связи со стремлением правительства к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. В частности, предполагалось, что ревизия «инородческого» Устава должна преследовать интеграционные цели. Иркутский губернатор К. Н. Калашников в 1873 г. обратил внимание правительства на необходимость подчинения бурят действию общих законов. По его мнению, существование специальных положений для управления бурятами стало «не только бесполезным, но даже вредным». В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс предложил подчинить аборигенов общим действующим в России законам, сравнивая права и обязанности их с крестьянами. Преемник П. А. Фредерикса А. П. Анучин в отчете по управлению краем в 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены».

Эти предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления бурятами Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещавшиеся преимущественно по наследству. Анализ сведений о должностных лицах самоуправления аборигенов показывает, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствовала неухабавшая борьба между бедняцким и зажиточным полюсами в улусах, «рекомендация» царских законов отдавать предпочтение при выборах лицам «крепкого достатка» и принявшим православие. В Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц бурятского самоуправления лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурятского самоуправления исповедовали православие. В то же время в Верхотенском округе 58,74 % должностных лиц исповедовали шаманизм, 8,4 % – ламаизм, остальные – православие.

Основные направления будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в 1887 г.

Конечную цель своего проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение инородцев». Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора». Именно предложения А. П. Игнатьева и министра внутренних дел И. Л. Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников».

Закон о крестьянских и инородческих начальниках явился началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Согласно новому закону, органы управления инородцев, основанные на принципах Устава 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. В основе Временного положения лежали идеи закона о земских начальниках от 12 июня 1889 г. Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» самоуправления. Важной обязанностью новых чиновников стал контроль за «нравственным состоянием» сельских жителей. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения. Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато опасными последствиями. Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. На практике новые чиновники становились полными хозяевами в «инородческой» волости.

Содержание нового закона и практика его проведения в жизнь отчетливо отразили резкое усиление имперских тенденций в административной политике правительства в Сибири. С этим было вполне солидарно и местное сибирское чиновничество, настаивавшее на введении возможно большего числа крестьянских начальников. Лишь возражения министра финансов С. Ю. Витте положили конец подобным требованиям. В итоге по закону 8 июня 1898 г. в Tobольской губернии вводилось 36 должностей новых чиновников, в Томской – 29, в Енисейской и Иркутской – 21. В апреле 1901 г. этот закон был распространен на Забайкальскую область. На Якутскую область и северные районы проживания «бродячих» инородцев действие закона не распространялось. Управление коренными жителями этих территорий вплоть до 1917 г. основывалось на принципах Устава 1822 г.

Одной из наиболее важных сторон деятельности губернской администрации Сибири по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатур на должности крестьянских и «инородческих» начальников. Поиск кандидатов на должность был связан с известными трудностями. В Сибири прослойка дворян-чиновников, по сравнению с губерниями Европейской России, была невелика. Не много насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или среднее специальное образование. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против требования обязательного образовательного ценза, считала предусмотренное законом среднее образование «лишним требованием». Не случайно даже спустя 10 лет после начала реформы в Иркутской губернии оставались вакантными 5 % мест крестьянских начальников, в Забайкальской области – 11 %.

Стремление правительства при подборе вновь вводимых должностей чиновников следовать сословному признаку и назначать крестьянских и «инородческих» начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г.

в губерниях Западной Сибири 35 % чиновников были выходцами из разночинцев. В то же время в 10 губерниях Европейской России – Витебской, Владимирской, Вологодской и др. – в 1903 г. 93 % земских начальников были выходцами из дворян. В Сибири, в отличие от Европейской России, на должности крестьянских (земских) начальников попадали подчас случайные люди с весьма пестрыми биографиями, отнюдь не дворянского происхождения. Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В Иркутской губернии в начале XX в. 65 % крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, только четвертая часть чиновников имели высшее образование, зато православными были почти все – 97 %. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14-го по 8-й класс. Для большинства из них доходы от личного труда были единственным источником существования. В Енисейской губернии выходцами из сословия разночинцев было 68 % крестьянских начальников, в Забайкальской области – 96 %. С целью улучшения качественного состава новых чиновников по образцу земских начальников Европейской России в 1912 г. был введен специальный экзамен на право занятия должности крестьянского начальника.

Тяжелой повинностью для сельского коренного населения явилось содержание нового аппарата управления. Жалованье одного чиновника без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм составляло 1700 руб. в год. Но настоящим бичом для сельского населения стали многочисленные злоупотребления властью и хищения крестьянских начальников, которые по этим «показателям» далеко превосходили своих предшественников.

В целом закон 1898 г. по-своему отразил изменения в характеристике социально-экономического развития, связанные, прежде всего, с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. Реформа 1898 г. способствовала замене старых единиц управления, основанных на родовом принципе, территориальными административными единицами. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над аборигенами, их скорейшее «слияние» с русским населением. Реформа, проводимая бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла ясно видимые имперские черты.

Тенденция к усилению полицейской опеки над органами управления аборигенов усиливается по мере роста общественного движения в стране и Сибири. Данной цели служило и введение паспортной системы у коренного населения. Решение по этому вопросу, принятое в июне 1897 г., предусматривало создание специальной комиссии из представителей министерства внутренних дел, министерства земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. В работе комиссии наиболее активную роль играл будущий министр внутренних дел В. К. Плеве. Необходимость введения паспортов у коренного населения обосновывалась требованием упразднения поразрядной системы, усилением опеки и надзора за органами самоуправления коренных народов. Положение «О видах на жительство», утвержденное царским Указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. У оседлых «местом постоянного проживания» считались общество или волость, к которой они приписаны, у кочевников – район перекочевок. Все инородцы были обязаны иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми или иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или «инородческого» начальника, ответственного за поступление

податных сборов. Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» правительство окончательно пришло к мысли о необходимости не только реорганизации системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными. Осуществление задач полного слияния народов Сибири с русским крестьянским населением постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения поразрядной системы и причисления аборигенов к разряду оседлых. Согласно Уставу 1822 г. такое причисление могло осуществляться только во время переписи и с согласия самих аборигенов, и власти постоянно сталкивались с нестыковкой желаемых и реальных результатов этого процесса. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства, требующее немедленного упразднения. С осени 1908 г. министерские чиновники разного уровня стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. Особую активность в этом деле проявил П. А. Столыпин. Циркуляры за его подписью требовали незамедлительно переводить кочевых инородцев в разряд оседлых. Получив прямое указание Столыпина, губернские администрации перешли к решительным действиям по его осуществлению. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, или примерно 33 % коренного населения.

Одновременно с причислением в оседлые царское правительство разработало для аборигенов волостную реформу. Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшей против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались зажиточные инородцы. Теперь низшей территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединявшее инородцев-односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе этих административных единиц находились соответственно сельский староста и волостной старшина, выбираемые на сходах по рекомендации крестьянских начальников. Последним предоставлялось право утверждения в должности избранного лица. По сути, крестьянские начальники являлись полными и зачастую неконтролируемыми хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой связи с землеустройством. Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления в систему управления, основанную по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского

на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия инородцев как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

Источники и литература

- Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 1281, оп. 11, д. 45.
Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1: Якутская область, Охотский край / И. Д. Булычев. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1856. – 298 с.
Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века / Е. М. Залкинд. – М.: Наука, 1970. – 400 с.
Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления / А. Б. Каменский // Российская империя в сравнительной перспективе. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 115–139.
Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 94–115.
Прутченко С. М. Сибирские окраины. Приложения / С. М. Прутченко. – СПб., 1899. – С. 175.
Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. И. Сычевский. – М.: Унив. тип. (М. Катков и К°), 1875. – 297 с.

References

- Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 1281, op. 11, d. 45.
Bulychev I. D. Puteshestvie po Vostochnoj Sibiri. Ch. 1: Yakutskaya oblast', Ohotskij kraj / I. D. Bulychev. – SPb.: Tip. Akad. nauk, 1856. – 298 s.
Zalkind E. M. Obshchestvennyj stroj buryat v XVIII i pervoj polovine XIX veka / E. M. Zalkind. – M.: Nauka, 1970. – 400 s.
Kamenskij A. B. Elity Rossijskoj imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya / A. B. Kamenskij // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – S. 115–139.
Kappeler A. Formirovanie Rossijskoj imperii v XV – nachale XVIII veka: nasledstvo Rusi, Vizantii i Ordy / A. Kappeler // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – S. 94–115.
Prutchenko S. M. Sibirskie okrainy. Prilozheniya / S. M. Prutchenko. – SPb., 1899. – S. 175.
Sychevskij E. I. Istoricheskaya zapiska o kitajskoj granice, sostavlenaya sovetnikom Troicko-Savskogo pograničnogo pravleniya Sychevskim v 1846 godu / E. I. Sychevskij. – M.: Univ. tip. (M. Katkov i K°), 1875. – 297 s.